

Лирика Анны Гедымин очень тихая, и в то же время её голос слышнее многих, словно точно и точно, подобно некому медиатору, действует на «поэтические рецепторы» слушателя. Но это не стихи наивного романтика, за текстами Анны виден труд автора опытного и искусного. Сама Анна считает, что стихи – это чистое вдохновение, подарок судьбы. Возможно, вдохновение и есть счастье для поэта. Недаром другая известная поэтесса Инна Кабыш говорила: «Анна Гедымин – это редкий, может, даже редчайший случай в русской поэзии: умение писать в состоянии счастья».

Д. Л.

* * *

Поехали, говорит.

Бросай свою глушь-Саратов,
И уже послезавтра,
в крайнем случае – в среду,
Куплю тебе перстень
в сколько хочешь каратов,
И будем жить с тобой.
Она в ответ: Не поеду.

Здесь у нас соловей,
хоть никакого в нем проку,
Поет и плачет,
и нет спасенья.
А зимой у нас
в ресторанчике «Крокус»
Скрипач играет по воскресеньям.

Тогда говорит:

А хочешь «Форд-Фокус» –
Лучший на Среднерусской равнине?
Только сядешь –
и через миг, без вопросов,
Глянут – ан нет тебя
и в помине.

Она в ответ:

Да не нужен «Форд-Фокус»,
Лучший от Балтики до Урала,
И даже не надо,
чтоб в ресторанчике «Крокус»
Музыка по воскресеньям играла.
Лишь бы сынок
одолел переходный возраст!
Лишь бы мама не умирала...

Ну, говорит, кума,
Уж с этим ты разбирайся сама.

И пошел он жить,
как прежде, на свете:
Никого не полюбил,
и не встретил
Ту, что мнилась, снилась
в мысли рвалась –
Такая юная,
что еще не родилась...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вдоль тропы гуляют сквозняки,
И головки клонят васильки
Строго в направлении реки.

А слышав медленный гудок,
Бурый пес натянет поводок
И поймает носом холодок.

Той мечты – с пожизненным стажем?»»

Вот увидишь, мы будем счастливы.

А дом будет светел и стоэтажен.

И так далее – на века, навсегда,

Как уже обещали когда-то.

Потерпи!

Звуки стройки – это, в общем-то, ерунда

По сравнению с песней солдата.

* * *

Ангел суровый,

Темноголовый,

Хмурится

Незнамо по ком,

Держится

Особняком.

Всё на него смотрю,

Тихо так говорю:

Ты средь бела дня –

Забудь про меня;

Средь ненастного дня –

Жить могу без огня;

Но средь черного дня –

Подними меня

Со дна,

Ото сна,

А дальше уж я сама.

Я ль потом возропщу,

Дар твой не возьму,

В небеса не направлю

Золотую пращу?..

* * *

Расставание – это конец суетливых событий
И начало внимательной памяти.

Этой порой

Столько пишут картин! Совершают великих открытий!
Строят замков воздушных, жилых у реки под горой!

Мне отныне дано без усилий, по звездному гуду,
Узнавать, как живешь, как работа твоя и родня...
Вот и все. Не грусти, я тебя никогда не забуду.
Не проси, ты и сам никогда не забудешь меня.

* * *

Август. Полдень. Ёлок вереницы.
Три недоразрушенных избы.
Я сюда на запах медуницы
Прихожу, как в детстве – по грибы.

И брожу своими же следами.
И робею у церковных стен:
Что просить нам – траченным годами
Очевидцам бурных перемен?

(Вон и туча щерится морозно,
Будто бы уже закончен суд!)
Славы – стыдно, пониманья – поздно,
А любви не просят, только ждут.

Боже, стать бы тем седьмым коленом,
На котором завершится месть!..
Медуница нежно пахнет тленом –
Неужели горше запах есть?..

* * *

И все-таки я помню о тебе.
Так путник, заплутавшийся в судьбе,
Забывать не в силах полдень конопатый,
Перед околицей последний дом,
И речи, различимые с трудом,
И легкость не пугающей утраты...

Как больно помнить то, что никогда
Не повторишь...
Казалось – ерунда.
Но неприятно, железнодорожно
Два пламени, два карих вслед глядят.
Слова-то ладно, а вот этот взгляд
Забывать не можно...

* * *

Опять я прозевала миг,
В который пение на крик
Сменяет птичий рой.
Как поминальные пиры,
Многозначительны костры
Осеннею порой.

Лес проигрался до нуля,
Уже под ним горит земля –
Так, что слезит глаза.
Напрасно клен на страх и риск
Приберегал червонный лист –
Последнего туза...

* * *

Лес предзимней зиял пустотой...
Помню слякоть и чувство тревоги,
И отчетливый куст золотой,
Голосующий у дороги.

Вроде выболела до дна
Эта осень.

И нате вам – милость!

Но из тысячи душ ни одна
В странном месте не притормозилась.

Вот он – миг, предвещающий крах!
Ох, припомнит судьба нам истица,
Как молили о мелких дарах,
Чтобы мимо щедрот проноситься!..

* * *

Предчувствие тепла...
Мы были так живучи,
Что можем представлять
Научный интерес.
И смутно на душе.
Так праведника мучит,
Привыкшего к земле, —
Предчувствие небес.

А может, мы и впрямь
Диковинной породы?
Иначе кто б сумел,
Удачей не храним,
Не зная ни любви,
Ни Бога, ни свободы,
Прожить изрядный век
Предчувствием одним?..

* * *

Новый год,
 бенефис вечнозеленых растений.
Ёлка вырядилась,
 как будто школьница во хмелю.
Я в эти сутки
 шарахаюсь от собственной тени
И тебя
 забыть уже не пытаюсь — люблю.

День прибавляется,
 мы, наоборот, иссякаем,
Жизнь отнимается у нас
 без следствия и суда.
Я гонюсь за тобой,
 как Герда гналась за Каем.
(«Вам не холодно?» —
 «Ах, помилуйте, как всегда».)

Спят пространства,
разлукой нашей казимы.

Спят меж нами
самолеты и провода.

(«Что вы думаете
про легендарные русские зимы?» –
«Ненавижу
эти чертовы холода».)

Так чего мы добились?

Давай с тобой подытожим:
Ты – как Этна в своих облаках –
в посторонней увяз судьбе,
Я – бреду в новый год
(«Вам не скучно?») с поздним прохожим
И, коль плохо будет вести,
расскажу ему о тебе.

Возвращайся!

Я постараюсь
возродиться к весне, как природа.

Возвращайся!

Я постараюсь
сделать радостным наше житье.

А иначе – уйди из памяти,
чтоб не было нового года.

И скорее, а то Куранты
уже затевают свое.